

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета
на диссертацию Кислина Константина Борисовича на тему:
«Трактат Петра Берхория «Морализованный Овидий»
в контексте средневековой рецепции античной мифологии»,
представленную на соискание учёной степени
кандидата философских наук по научной специальности
5.7.9. Философия религии и религиоведение

Диссертационное исследование было предпринято К.Б. Кислиным с целью осуществления комплексного анализа трактата Петра Берхория «Морализованный Овидий» в контексте средневековой рецепции античной мифологии (с. 19). Актуальность исследования связана с логикой развития науки: как отмечает диссертант, «не существует ни одного крупного исследования, в котором содержание одного мифографического сочинения рассматривалось бы как определенное зеркало средневековой рецепции античной мифологии» (с. 4). Да и в целом, средневековая рецепция античной мифологии — это малоизученная тема, интересная ещё и для понимания истоков ряда феноменов современной культуры. Так, уже из произведённого диссертантом анализа литературы по теме исследования становится ясно, что современных учёных в средневековой мифографической традиции, и в частности в трактате Петра Берхория, интересует прежде всего «критика «прелатов и начальников», антииудаизм и мизогиния» (с. 17). Как известно, направления исторических поисков говорят столько же об истории, сколько и о современности. А это значит, что предпринятое К.Б. Кислиным исследование не только актуализирует исторический материал, но и придаёт историческую перспективу проблемам современного общества. В этом мы видим второй аспект актуальности диссертации.

Работа состоит из четырёх глав, разделённых на 2, 3 или 4 параграфа, введения, заключения, списка литературы, состоящего из 188-ми пунктов. Структура диссертации обоснована целью и задачами исследования, проводящегося автором в контексте современных исследований мифографической тра-

диции. В частности, из трёх задач, связанных с изучением «Морализованного Овидия», выделенных В. Д. Рейнольдсом, автор диссертации сосредотачивается на второй — «более точное определение природы моральных интерпретаций Берхория и их связи с современным автору христианским богословием», — отсюда направление исследования второй и отчасти четвёртой глав диссертации.

В целом структура работы хорошо продумана и способствует решению поставленных задач. В первой главе автор определяет место «Морализованного Овидия» в контексте средневековой рецепции античной мифологии. Во второй главе — место трактата в богословском и философском контекстах. В третьей главе — в контекстах историческом и социальном. Как раз в этой главе автор диссертации анализирует критику «прелатов и начальников», антииудаизм и мизогинию Петра Берхория, приходя, в частности, к выводу, что «женоненавистничество Берхория становится... частным случаем критики несовершенства мира. В том же ключе мы предлагаем рассматривать критику в трактате «Морализованный Овидий» церковной и светской власти» (с. 107). То есть, социально-исторический материал третьей главы получает свою расшифровку в предыдущей главе. А в четвёртой главе диссертант пытается реконструировать мировоззрение Петра Берхория, приходя, в частности, к обоснованному выводу, что гуманистический смысл христианства не был понят автором «Морализованного Овидия» (с. 131).

В качестве недостатка работы укажем на то, что, на наш взгляд, автор диссертации не всегда проводит чёткое различие мифографической традиции и христианского богословия. В частности, на с. 54 К.Б. Кислин пишет: «в христианском богословии к прежней цепочке /«деградации творения»/ добавляется еще один член: Бог—мужчина—женщина—животное». Автор, приходя к этому выводу, использует три аргумента: 1) раннее христианское богословие было знакомо с Тимеем, благодаря Филону Александрийскому; 2) Августин критикует язычество и отстаивает монотеизм; 3) Амвросий Медиоланский пишет о недопустимости искажения образа Божьего в человеке. Очевидно, что ни один из

этих аргументов, взятый в отдельности, ни сочетание всех трёх не способно подтвердить положение автора о существовании цепочки деградации творения от Бога до животного в христианском богословии. Обратим внимание, автор пишет об отражении этой идеи не в мифографической традиции, а именно христианском богословии. Вероятно, речь всё-таки идёт о том, что цепочка деградации творения, нашедшая своё выражение в мифографической традиции, может быть сопоставлена и с интерпретациями творения, существующими в христианском богословии? Но ниже автор пишет: «Христианство, как известно, предложило собственную концепцию времени. Однако сам принцип «потерянного рая» сохраняется. Мир уже не тот, каким был прежде, и максимально далек от Бога. Прежде всего, мир непостоянен (неспокоен) и подвержен тлению» (с. 54). Здесь смущают две вещи: автор, во-первых, слишком сближает концепции творения и деградации, а во-вторых, не берёт в расчёт ключевой для христианского мировоззрения идеи победы над смертью, значительно трансформировавшей «подверженный тлению» мир. Вновь мы видим, что установки мифографической традиции, существовавшей в рамках христианской культуры, переносятся автором на христианское богословие. Между тем, более точное различие того и другого (мифографии и богословия) позволило бы сравнить герменевтические установки мифографов с принципами христианской экзегетики. В частности, было бы интересно узнать, получил ли своё развитие типологический принцип толкования Священного Писания в мифографической практике? Но, возможно, это направление дальнейших исследований автора диссертации.

В качестве пожелания обратим внимание на возможность расширить методологию изучения средневековой культуры в интересующем автора аспекте, благодаря применению подходов, разработанных Л. П. Карсавиным для исследовании средневековой религиозности, которые, по словам А. Л. Ястребицкой, можно оценивать «как способ научного объяснения «нового» объекта исторической науки — общества и социальности во всём многообразии форм их выра-

жения»¹. Речь идёт о тех подходах, которые позднее были развиты Школой Аналов и другими историками.

Замечание и пожелание имеют частный характер и не умаляют достоинств работы. Диссертация написана хорошим русским языком на высоком теоретическом уровне. Автора отличает отличное знание материала исследования и умение работать с широким кругом источников. Основные и промежуточные выводы работы хорошо обоснованы, были сделаны автором самостоятельно и прошли апробацию.

Диссертация Кислина Константина Борисовича на тему: «Трактат Петра Берхория «Морализованный Овидий» в контексте средневековой рецепции античной мифологии» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Кислин Константин Борисович заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.9. Философия религии и религиоведение. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета

Доктор философских наук

профессор кафедры русской философии и культуры

Санкт-Петербургского государственного университета

Е. А. Маковецкий

11.09.2023

---

¹ Ястребицкая А.Л. Историк-медиевист Лев Платонович Карсавин (1882—1952). Аналитический обзор. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С. 12.